

вывод, который нужно сделать. Расширение базы пушкиноведения, привлечение новых кадров к работе над изучением наследия великого русского поэта дадут возможность преодолеть цеховую замкнутость, особенно сказавшуюся на

этом участке истории литературы. Только тогда советская наука о Пушкине сможет коллективными усилиями создать хорошую марксистскую монографию о творчестве поэта, недостаток которой сейчас остро ощущается.

4. ПУШКИН В ЛЕНИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ¹⁾

Г. Георгиевский

I

Пушкин оставил большое рукописное наследство. Альбомы, записные книжки, тетради купленные и домашнего изготовления, отдельные листы и листочки, почтовая бумага — все это в огромном количестве исписано было рукою Пушкина и осталось наглядным свидетельством его усиленных трудов.

Где бы он ни был: в своей ли столичной квартире, или в своем имении, или в имении своих друзей и знакомых, или в гостинице, или в пути во время переездов, иногда на очень далекие расстояния, — с ним всегда были тетради и бумага в достаточном количестве. В часы досуга или в уединении Пушкин часто обращался к ним и на их чистые страницы записывал все, что в тот момент просилось у него под перо. Он сам писал Чаадаеву:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.

И весь этот обильный материал, исписанный рукою Пушкина, хранит в себе плоды «его забав»:

Бессонниц легких вдохновений
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Те же тетради и те же листы бумажных запасов служили Пушкину и для всех других письменных надобностей.

¹⁾ Помещенные в тексте статьи рисунки взяты из черновых тетрадей А. С. Пушкина. Некоторые из них публикуются впервые.

Он обильно покрывал их страницы рисунками и разного рода упражнениями в рисовальном искусстве. Сюда же он вписывал переводы и цитаты из произведений русских и иностранных авторов. Иногда в свои тетради он записывал копии интересовавших его документов, например, когда писал историю Пугачева. Будучи до крайности требовательным ко всему, что выходило в свет с его именем, Пушкин и письма свои, особенно к лицам официальным, предвительно писал начерно в своих тетрадях, выправляя их, зачеркивал то, что считал лишним или ненужным, и дополнял новыми вставками и поправками. Тут же он производил арифметические подсчеты своих финансовых дел, подсчитывал долги, составлял сметы доходов и расходов и записывал свои соображения насчет выхода из постоянных дефицитов в своем скромном бюджете. Здесь же он записывал любопытные рассказы и анекдоты, которые приходилось слышать, сказки и песни народные, которые Пушкин всегда любил и высоко ценил. Словом, тетради и бумаги нужны были Пушкину не только в моменты его творческих вдохновений — для записи его стихов и прозы в разные стадии их зарождения и обработки, — но и для отражения в них, как в зеркале, всех прочих элементов его многогранной жизни.

Неудивительно, что к моменту смерти Пушкина его кабинет оказался переполненным бумагами. А так как эти бумаги хранили на себе записи его собственной руки, которой уже дорожили в широких кругах современников Пушкина, записи которой уже оценили и любили настолько, что в предсмертные дни

и часы Пушкина его квартира осаждалась взволнованными петербуржцами, бежавшими узнать о здоровье поэта, — то понятно, что были приняты меры к охране письменного имущества Пушкина. Так как в семье не было способного к тому человека, а дети были слишком малы, то к этому делу привлечены были сторонние люди.

28 января 1837 года, когда смертельно раненный Пушкин в мучениях доживал свои последние часы, Николай I призвал к себе Жуковского и, давая ему поручение к умирающему поэту, прибавил:

«Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги, — ты после их сам разберешь».

Когда, на другой день, император получил печальное сообщение о кончине Пушкина, он тотчас дал распоряжение Бенкендорфу:

«Пушкин скончался; я приказал Жуковскому запечатать кабинет и предлагаю вам послать Дуббельта к Жуковскому, чтобы он [Дуббельт] наложил печать жандармскую для большей верности. Через неделю они оба снимут печати, и Жуковский сделает разборку бумаг».

Жуковский в точности исполнил поручение царя: через три четверти часа по кончине Пушкина он запечатал своею печатью кабинет покойного.

Когда прошли погребальные дни, полные печали, тревог и суеты, Жуковский и Дуббельт завершили возложенное на них поручение: Жуковский, став во главе опеки над имуществом и детьми Пушкина, приступил к разбору бумаг поэта, прорегистрировав их при помощи наемного писца, а Дуббельт проделал ту же операцию при помощи своих военных писарей III отделения, проставивших регистрационные цифры красными чернилами на середине каждого листка пушкинских автографов и вообще бумаг, сохранившихся в его кабинете.

С этого момента начинается история рукописей Пушкина.

Рукописи Пушкина оставлены были осиротевшей семье поэта и должны были служить обеспечением для воспитания и образования его сирот. Заботы об иму-

ществе и денежных средствах семьи возложены были на опеку. В состав опеки входили близкие к Пушкину люди, между ними доктор поэта Н. И. Тарасенко-Отрешков, а во главе опеки стал В. А. Жуковский. Первою заботой опеки стало посмертное издание всех сочинений Пушкина с тем, чтобы доходы от этого издания пошли в пользу семьи поэта. При редактировании пушкинских произведений издателя-опекуны пригласили себе в помощь А. А. Краевского, преемника Пушкина по редактированию пушкинского журнала «Современник».

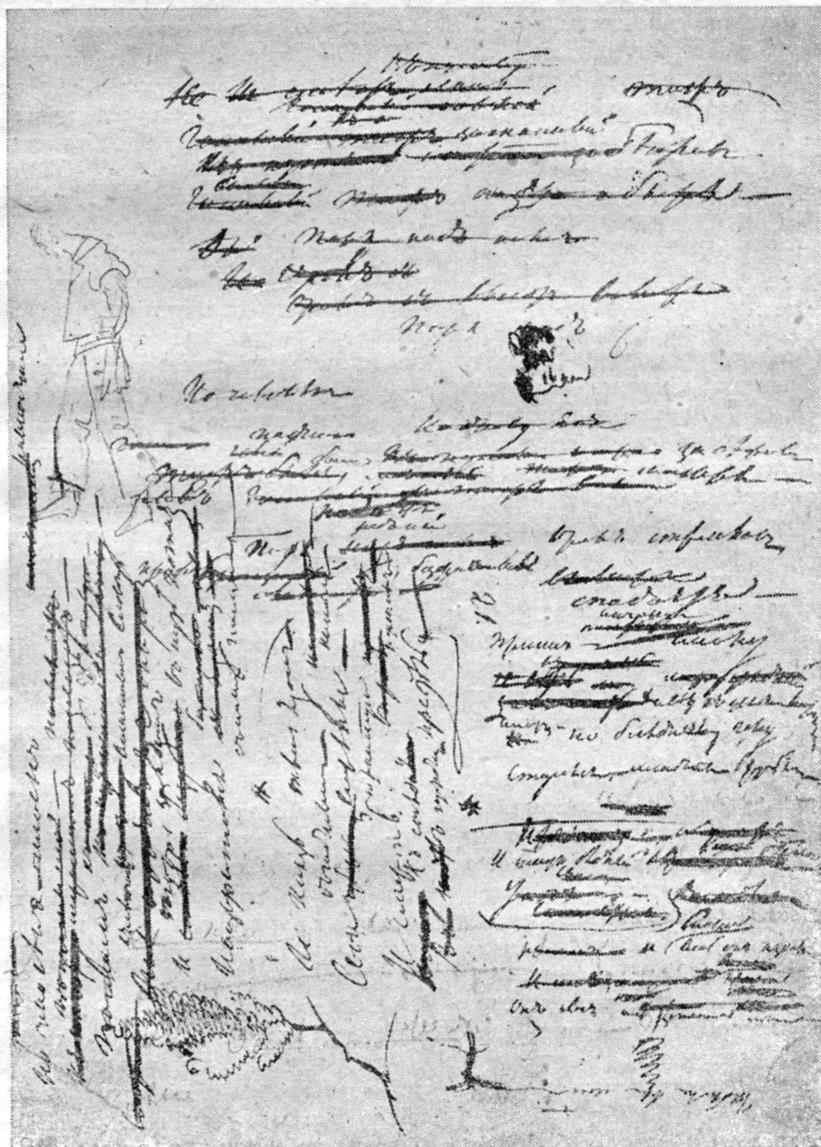
Редакторы и издатели широко пользовались рукописями Пушкина. И это было совершенно необходимо: рукописи Пушкина должны были стать основанием для посмертного и для всех последующих изданий его сочинений. Эти рукописи богаты были новыми, неизданными произведениями и дополнениями, так как сам Пушкин иногда по несколько лет не печатал уже совсем законченных и обработанных произведений. При печатании же ему нередко приходилось делать пропуски и изменения по цензурным соображениям и требованиям. Кроме того, в бумагах Пушкина хранилось множество черновых работ, первоначальных набросков, переделанных, неоконченных и необработанных. Сам Пушкин не находил нужным печатать их, но для последующих издателей положение существенно изменилось: по словам Белинского, всякая строка, написанная Пушкиным, для нас драгоценна.

Естественно, что хозяевами рукописного пушкинского наследства стали опекуны-издатели. С одной стороны, Жуковский производил «разборку бумаг», с другой — опека готовила посмертное издание сочинений Пушкина. И для той, и для другой цели пользовались рукописями поэта. Как пользовались? Никто не подумал, да никому и в голову не приходило создать порядок и правила пользования, выработать такие формы, которые обеспечивали бы сохранность бумаг, целостность всего бумажного имущества, удобства пользования и своевременный возврат использованных материалов владельцам их — семье Пушкина. А раз не было ограничений, и на-

лицо была полная свобода самого небрежного отношения к рукописям настоящих владельцев, автографы Пушкина пошли по рукам опекунов и редакторов. И Жуковский, и Тарасенко-Отреш-

кина, все до единой, вернулись на свое надлежащее место — в кабинет Пушкина?..

Прошел десяток лет, и потребовалось новое издание сочинений Пушкина. На

ков, и Краевский брали к себе на дом драгоценные автографы и задерживали у себя. А когда вышло в свет посмертное издание 1838—1842 гг. и у редакторов отпала надобность в работах у себя на дому, — что же, рукописи Пуш-

этом раз подготовку текстов и редактирование взял на себя П. В. Анненков. Он купил у вдовы поэта право на издание его сочинений за 5.000 руб., с разрешением напечатать 5.000 экземпляров. Новый издатель забрал к себе все пуш-

кинские бумаги, а с переменой места своего жительства перевозил их по своим квартирам, которые нанимал для себя, и даже брал с собою в свое симбирское имение, где проводил часть года. Работа его над сочинениями Пушкина затянулась. После напечатания шести томов в 1855 г. вышел в 1857 г. седьмой том, дополнительный. Анненков и впоследствии не переставал пользоваться бумагами поэта. Когда же и как Анненков вернул эти бумаги семье Пушкина?.. Все ли вернул?

На эти жгучие вопросы красноречиво отвечает история петербургских книгохранилищ.

В 1855 г. Н. И. Тарасенко-Отрешков принес в дар Публичной библиотеке небольшое собрание рукописей Пушкина. Среди них, однако, оказалась записная рабочая тетрадь Пушкина в 66 листов, с текстом «Кавказского пленника» и других стихотворений поэта, и два листа приходо-расходных записей его за 1834—1835 гг. Вдова поэта, Наталья Николаевна, тотчас же подала жалобу на Н. И. Тарасенко-Отрешкова, обвиняя его в незаконном присвоении рукописей Пушкина. Дело кончилось тем, что в литературе перестали именовать эту тетрадь Пушкинской и дали ей новое название «Тарасенко-Отрешковской тетради»...

В 1884 г. П. В. Жуковский, сын Василия Андреевича, продал той же Публичной библиотеке несколько рукописей Пушкина. Среди них были первая, вторая, третья и восьмая главы и отрывки «Евгения Онегина» и полные беловые рукописи «Бориса Годунова» и «Анджело». Но это только одна часть автографов Пушкина, застрявших у Жуковского. Из другой части образовалось известное «собрание А. Ф. Онегина», перепроданное «Пушкинскому дому».

В 1889 г. та же Публичная библиотека купила «архив» А. А. Краевского. Среди этого нового приобретения оказались две записных рабочих тетради Пушкина, одна в 103 листа, другая в 8 листов, и отрывки из «Капитанской дочки» и из «Сцен из рыцарских времен».

После П. В. Анненкова в его «архиве» тоже оказались рукописи Пушкина. Из них составились два известных собрания автографов Пушкина, — одно — Л. Н. Майкова, другое — И. А. Шляпкина, впоследствии вошедшие в состав Петербургского академического хранилища. В 1897 году Д. И. Сапожников в каретном сарае в имении Анненкова нашел целую груду старых бумаг и среди них 17 четвертушек собственноручных рукописей Пушкина. В 1931 году еще 8 листов автографов Пушкина были найдены среди бумаг вдовы соседа Анненкова по имению.

В итоге, за двадцать лет, протекших со дня смерти Пушкина, из его письменного наследства исчезли ценные тетради и сотни отдельных листов. Опекуны и редакторы не оправдали доверия и частью присвоили, а частью растеряли драгоценное имущество великого поэта.

Последующим издателям уже не дано было право пользоваться рукописями поэта. Уцелевшие части вернувшегося в семью наследства на целых двадцать пять лет крепко и надежно скрыты были от чужих рук и даже от чужих глаз. При изданиях 1859 и 1870 годов (под редакцией Геннади) и при издании 1880 года (под редакцией Ефремова) издатели уже не пользовались рукописями семьи Пушкина и вынуждены были выпустить новые издания по первопечатным текстам.

В 1880 году, когда в Москве готовились к открытию памятника Пушкину, дети поэта, во главе со старшим сыном Александром Александровичем, решили передать государству, в лице Отдела рукописей бывшего Румянцовского музея, свое семейное сокровище — полностью все автографы отца. Только дневник поэта, как последнюю фамильную реликвию, Александр Александрович удержал у себя до своей смерти, а после его кончины (в июле 1914 года) и эта последняя рукопись Пушкина была передана в Отдел (№ 4419).

Это драгоценнейшее приобретение Отдела рукописей не стоило государству ни единой копейки расхода: ни дети, ни внуки Пушкина не просили за свой дар никакого вознаграждения.

С этого момента наследственная масса автографов Пушкина становится государственной собственностью. Изучение их и пользование ими делаются общедоступными и облегчаются всеми спосо-

Один этот дар поставил Отдел рукописей на первое место среди всех государственных и частных хранилищ автографов Пушкина. Отдел получил 16 цельных, крупных тетрадей, вошед-

бами и мерами, какими в состоянии располагать государственная библиотека ¹⁾.

¹⁾ Необходимо оговорить, что в первые полтора года по передаче автографов Пушкина государству за П. И. Бартеневым, издателем журнала «Русский архив», оставлено было монопольное право пользоваться автографами, в

ших в хранилище под №№ 2364—2374, 2378, 2382, 2384, 2389, 2392; 43 мел-

благодарность за то содействие, которое Бартенев оказал государству в деле перехода к государству пушкинского письменного наследства. С осени 1882 г. монополия Бартенева прекратилась, и рукописи Пушкина стали общедоступными.

ких тетради, соединенных в 8 №№: 2377 Б, 2380 А и Б, 2381 1—13, 2385 А—Б—В, 2386—Г, 2388 А, Б, В, Г, Д, Е и Ж, 2390 1—10 и 2394—1—6; и 15 тетрадей, составленных уже после смерти Пушкина из отдельных листов или из несшитых тетрадей в №№ 2375, 2376, А, Б и В, 2377 А и В, 2379, 2383, 2386, А, Б и В, 2387 А, Б и В и 2391. Два номера 2393 и 2395 содержат копии, снятые для посмертного издания по заказу Жуковского. В состав этого же собрания (в Отделе) вошли шестьдесят четыре письма Пушкина к жене Наталье Николаевне, хранящиеся под № 7021, и дневник А. С. Пушкина за 1833—1835 гг., хранящийся под № 4419. Переводя всю эту бумажную массу на листы (по две страницы в каждом), придется исчислять ее больше чем в 4440 листов, или в 8880 страниц.

На этих листах вместилось все творчество Пушкина и в стихах, и в прозе. Здесь содержится его произведения во всех стадиях их зарождения и обработки. По ним исследователь воочию увидит тот колоссальный труд, который затратил Пушкин в процессе выработки окончательной формы своих произведений, не исключая писем, и вместе повышенную до щепетильности требовательность поэта к себе, чтобы не появиться перед читателем в неряшливом виде, кое-как, с неизящными стихами, с грубой прозой, с нелитературным языком и выражениями. Нет каких-либо больших произведений Пушкина, которых нельзя было бы найти, если не целиком, то в отрывках и в частях, на страницах его письменного наследства. А его лирика, его мелкие творения представлены здесь с такой полнотой, с которой не могут сравниться все прочие собрания его автографов, вместе взятые. Но все это в процессе обработки, в черновом виде. Есть автографы и перебеленные поэтом, но их тут же он подверг новой обработке, новым переменам и заменам и в словах, и в стихах, и в целых выражениях. Только две рукописи из наследства Пушкина являются беловыми в собственном смысле,—это тетради поэмы «Медный всадник» в № 2375 и десять несшитых те-

традей истории Пугачева (№ 2390). Оба эти свои произведения Пушкин тщательно переписал своим красивым почерком начисто и набело с целью послать их своему главному цензору — Николаю I. Цензор читал, кое-где карандашом сделал небольшие отметки и замечания и вернул Пушкину. В таком чистовом виде, вместе с отметками цензора, оба автографа сохранились в письменном наследстве Пушкина. Конечно, беловыми должны почитаться и 64 письма его к жене, переданные Отделу вместе с другими рукописями (№ 7021).

Сверх этого дара семьи Пушкина Отдел рукописей не переставал и не перестает пополнять собрание пушкинских автографов всеми способами: и в виде безденежных даров, и посредством покупок за деньги. Это собрание началось с первых лет образования Отдела в составе бывш. Московского Публичного и Румянцовского музея, в 1861 году.

Среди бумаг первого крупного приобретения Отдела в собрании рукописей В. М. Ундольского оказался автограф Пушкина, именно его письмо к Вяземскому от 6 февраля 1823 года (№ 7020).

Тогда же в громадной и замечательной библиотеке С. Д. Полторацкого приобретены были и автографы Пушкина. Среди них два стихотворения «Ех ungue leopard» и «Цветы последние милей» (№ 7016), три прозаических статьи «О г-же Сталь и Г. А. М—ве», «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», «Записки Чухина» (№ 7019) и одно письмо Вяземскому от 7 января 1829 г. (№ 2599). Кроме того, в альбоме Полторацкого, с сочинениями Пушкина, «Кинжал» (в конце) дописан собственноручно поэтом (№ 3015, 106 стр.).

С библиотекою А. С. Норова поступили две собственноручные записки Пушкина к Норову от 1833 г. (№ 7020).

В 1870 г. у наследников брата поэта Льва Сергеевича были приобретены 34 письма Пушкина к нему (№ 1254).

В 1871 г. М. И. Жихарев передал Отделу письмо Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 6 июля 1831 г. (№ 7020).

Льву Сергеевичу от февраля 1825 г. (№ 7020).

От В. А. Венкстерна поступили два контракта, собственноручно подписанные Пушкиным 1 мая 1835 г. и 1 мая 1836 г., на наем квартиры в доме С. А. Баташева, Литейной части первого квартала под № 20, в Петербурге (№ 3735).

В собрании автографов С. П. Давыдовой поступило письмо Пушкина к А. А. Яковлеву от 9 июля 1836 г. (№ 3253).

В большом собрании народных песен П. В. Киреевского поступила песня «Не белинька березанька к земле клонится», собственноручно написанная Пушкиным (№ 7016).

Из собрания автографов П. С. Киселева в Отдел перешло несколько пушкинских материалов:

1. Альбом Д. Н. Киселева с автопортретом Пушкина и стихотворением «Ищи в чужом краю здоровья и свободы» (№ 7017).

2. Четыре рифмованных шутки (№ 7016).

3. Восемь листков из утраченного альбома Елизаветы Николаевны Киселевой, рожденной Ушаковой, среди них один с стихотворением Пушкина, посвященным Елизавете Николаевне: «Вы избалованы природой», и карандашным рисунком его на тему о будущем семейном счастье Елизаветы Николаевны (№ 7018).

4. Четыре листа с карандашными рисунками Пушкина, между ними портреты Шаликова и Шаховского (№ 7022), и

5. Приглашение Ф. И. Толстого с подписью Пушкина, от января 1829 г. (№ 7020).

Из того же источника в Отдел поступил так называемый Ушаковский альбом, подаренный Российским кооперативным обществом (№ 4222). Он переполнен собственноручными рисунками Пушкина.

В 1898 г. Д. И. Сапожников в бумажной массе, хранившейся в каретном сарае имения П. В. Анненкова в Симбирской губернии, нашел листки с несомненными автографами Пушкина. Он передал их Отделу (№ 3266). На 17 четвертушках оказались:

1. Стихотворение «Под небом сладостным Италии своей».

2. Лицейские стихотворения: «Венчанье Шутовского», эпиграммы на Шаховского, Шихматова, Шишкова и др. и заметки в виде дневника.

3. Карандашные записи: «В конце 1826-го года я часто выдался с одним дерптским студентом» и

4. Орывок из римской истории, замечания на Анналы Тацита: «Тиберий был в Иллирии, когда получил известие о болезни престарелого Августа».

5. Заметка о холере.

Зимой 1931 г. Н. Н. Столов, по уполномочию владелицы, сообщил Отделу, что в Ульяновске проживает вдова, покойный муж которой, помещик, проживал в соседстве с имением П. В. Анненкова, дружил с ним, и они часто были гостями друг у друга и вместе проводили дни и ночи деревенского уединения. Сосед получил от Анненкова несколько

листочков, написанных собственною рукою Пушкина. Вдова желала продать их, поручила это дело Столову, а Столов считал самым подходящим местом для вечного хранения таких драгоценностей именно Отдел рукописей. Надежды и ожидания владелицы и Столова вполне оправдались, и весной 1931 года автографы были уже в Отделе. На них оказались:

1. Стихотворение

«Я думал, сердце позабыло
«Способность легкую страдать»

(№ 7705).

2. «Русский Пелам», глава и план работы над романом на 6 листках (№ 7706).

3. Черновые планы «Капитанской дочки» и «Золотого петушка» (№ 7707).

4. План статьи «О ничтожестве литературы русской» (№ 7708).

5. Критические замечания на статью Бестужева: «Б. предполагает, что словесность всех народов следовала общим законам» (№ 7709).

Отдельно от этих приобретений поступило письмо Пушкина к С. Д. Киселеву, начинающееся: «Отсылаю тебе твои книги с благодарностью» (№ 7723), и автографы из Радищевского музея в Саратове (№ 4835), именно: два стихотворения — «Делибаш» и «Послание цензору» («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой»).

Наконец, 1 июля истекшего 1936 г. Отдел купил печатную книжку из личной библиотеки Пушкина. Она содержит переплетенные в один корешок первые шесть глав романа «Евгений Онегин», которые выходили отдельным изданием каждая, кроме IV и V глав, вышедших вместе. Эта книжка содержит собственных рукописных изменения, поправки и дополнения к напечатанным текстам. При самых новейших изданиях сочинений Пушкина не все еще эти поправки поэта вошли в печать.

В дальнейшем Отдел будет продолжать свою линию собирания пушкинских автографов, в известном числе еще несомненно до сих пор остающихся в частных руках и небольших архивах. И только тогда, когда будет совершенно

исчерпан этот источник, сам собою встанет вопрос о концентрации рукописного наследства Пушкина.

II

1 июля 1936 г. Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина приобрел новые автографы А. С. Пушкина. Явление чрезвычайно редкое за последние годы и тем более важное для биографии и истории творчества поэта, что автографы эти, равно как и

книжечка, в которой они находятся, оставались вне поля исследовательского внимания пушкинистов, и некоторое число их оставалось неизвестным и неиспользованным в изданиях творений Пушкина.

Книжечка — довольно необычная. По корешку и выходному листу это «Евгений Онегин». Но на выходном листе стоит дата: 1825 год. А в книжечке заключены в один переплет все первые шесть глав «Онегина». Известно, что в 1825 году напечатана только одна первая глава романа. Каждая из последующих печаталась постепенно вплоть до шестой главы, которая подписана цензурою в марте 1828 года. Но, может

быть, было одно общее издание первых шести глав, не известное пока пушкиноведению и библиографии? Против этого говорят единственный выходной листок, помеченный не 1828, а 1825 годом, и пагинация книжечки. В книжечке каждая глава имеет свою собственную пагинацию, а не одну, общую для всех шести глав, как следовало ожидать, если бы в действительности существовало особое издание первых шести глав «Онегина». Очевидно, такого издания не было, а в нашей книжечке в один корешок влетены первые шесть глав, появившиеся в разные годы, каждая в особом издании, с особой обложкой, каждая со своим собственным выходным листом, шмуц-титолом и каждая со своею собственною пагинацией. Все эти особенности каждого издания и признаки соединения пяти (четвертая и пятая главы в одном выпуске) разных изданий в одном переплете ярко видны при детальном изучении и подробном описании книжечки.

«Евгений Онегин, роман в стихах, сочинение Александра Пушкина» — вот заглавие книжечки, под которым в один переплет соединены первые шесть глав, I—VI, произведения Пушкина. Эти главы печатались каждая отдельным изданием, по мере их готовности к публикации, между 1825 и 1828 годами, каждая в особой обложке и с особым выходным листом. Переплетчик, быть может, по воле заказчика, не сохранил ни одной обложки, а из выходных листов оставил только один, именно первой главы, на котором имеются вышеприведенное заглавие и дата: «СПБ. В типографии департамента народного просвещения. 1825». На обороте этого выходного листа значится цензурное разрешение за подписью цензора Александра Бирукова 29 декабря 1824 года. Вместе с обложками были выкинуты во всех выпусках и листы шмуц-титула, на которых были напечатаны только два слова: «Евгений Онегин», хотя шмуц-титул первого выпуска был, повидимому, сохранен при переплете и в данном экземпляре был вырезан уже после переплета. Об этом говорят остатки отрезанного листка перед титульным

листом. Учитывая изъятые листки как при переплете, так и впоследствии, можно объяснить неполноту нумерации листов и их количества в каждом выпуске.

В первом выпуске нумерация римскими цифрами начиналась со шмуц-титула, продолжалась на титульном листе, на листе с посвящением «брату Льву Сергеевичу Пушкину», предисловии и оканчивалась на «Разговоре книгопродавца с поэтом», причем последняя страница отмечена цифрой XXII. Затем следует нумерованный листок, на котором напечатаны два слова: «Глава первая», и на обороте выдержка из французского письма. Со следующего листка начинаются строфы первой главы и новый счет листов арабскими цифрами, всего пронумеровано 49 страниц (страница 50-я осталась без текста и без нумерации). В нашей книжечке отсутствует лист шмуц-титальный.

Вторая глава в нашей книжечке начинается с третьего листка второго выпуска, отсутствуют титульный и шмуц-титальный листки. На третьем листке напечатано: «Глава вторая. Писано в 1823 году», и на обороте: «O rus! Hor». С четвертого листка следуют строфы второй главы и нумерация листов арабскими цифрами, оканчивающимися страницей 42-й.

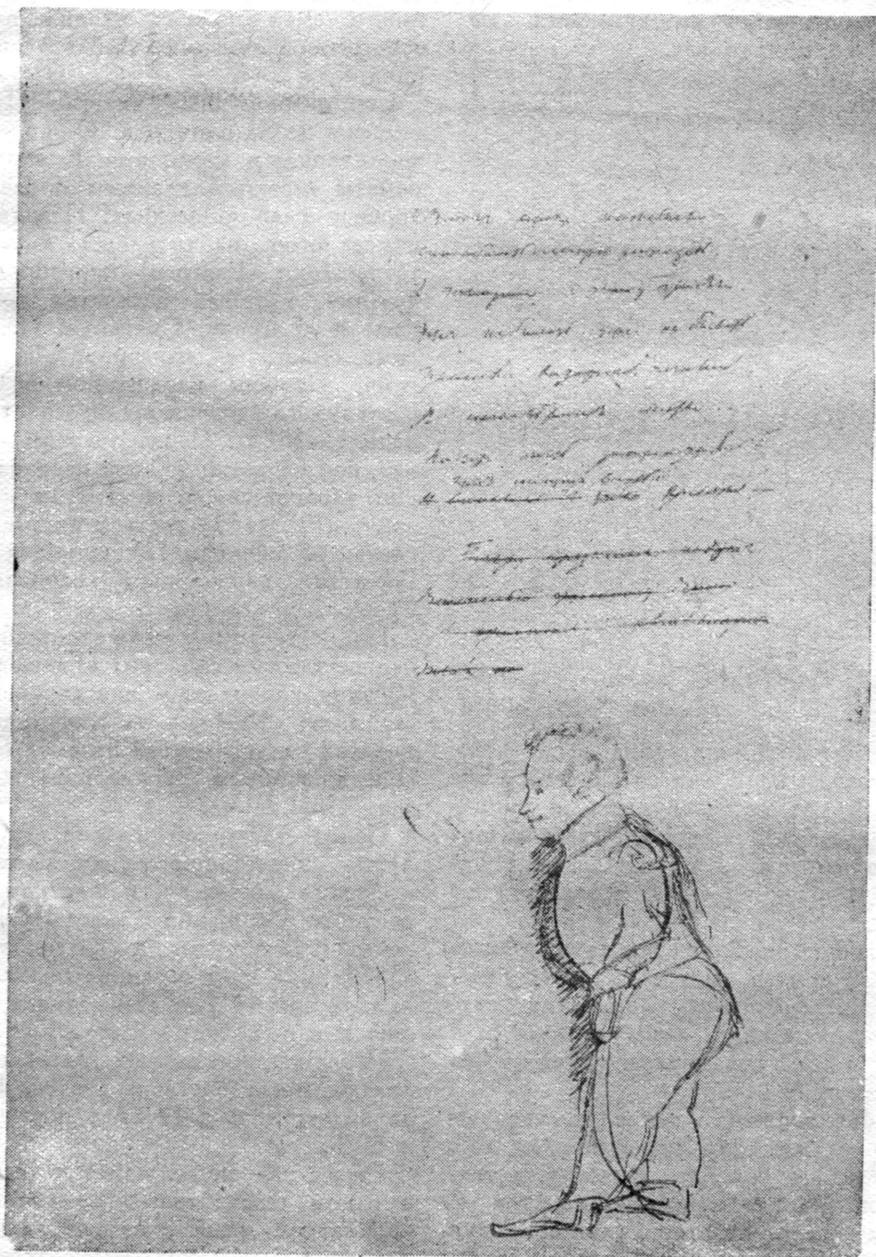
Третья глава в нашей книжечке начинается с четвертого листка, на котором напечатано: «Глава третья», и на обороте: «Elle était fille, elle était amoureuse». С пятого листка начинается текст третьей главы и нумерация, оканчивающаяся на 51-й странице. Таким образом, при переплете выкинуты три листа: шмуц-титальный, титульный и с извещением от автора о бесперывности дальнейшего издания глав романа.

Главы четвертая и пятая напечатаны были в одном выпуске 1828 года. В нашем экземпляре нет первых двух листов, шмуц-титального и титульного. На третьем листке напечатано посвящение «Петру Александровичу Плетневу». На четвертом листке напечатано стихотворное обращение к Плетневу: «Не мысля гордый свет забавить...». На пятом лист-

ке: «Глава четвертая», и на обороте: «La morale est dans la nature des choses. Necker».

С шестого листка начинаются строфы четвертой главы и оканчиваются на 50-й странице. Страницы 51-я и 52-я заняты обозначением главы: «Глава пятая», и на обороте стихами: «О, не

знай сих страшных снов, ты, моя Светлана. Жуковский». Со страницы 53-й начинаются строфы пятой главы, которые и оканчиваются на 92-й странице. На 93-й странице напечатано примечание к 13-му стиху 48-й страницы (где допущена опечатка: заветы вместо зевоты).

Шестая глава в нашем экземпляре начинается с третьего листка, на котором напечатано: «Глава шестая», и на обороте два стиха: «Petr.»: «La Sotto giorni pubilosi e brevi Nasce una gente a cui l'morir non dole». С четвертого листка начинаются строфы шестой главы и оканчиваются на 46-й странице. Нижняя половина 46-й и следующие за ней 47-я и 48-я страницы заняты напечатанными опечатками во всех главах.

Переплет книжечки шести глав «Онегина» сделан из прочного картона с коричневой мраморной бумагой и коричневым кожаным корешком. На корешке тиснута золотом: «Евгений Онегин Пушкина». Форзац из синей мраморной же бумаги.

Особенностью книжечки служат листки белой бумаги, вплетенные между всеми страницами текста, кроме двух случайных исключений: между 66-й и 67-й и 92-й и 93-й страницами пятой главы таких листков нет.

У библиофилов такие вложенные листки служат для занесения на них дополнений и поправок к тексту, а также для библиографических заметок. В данном экземпляре шести глав «Евгения Онегина» дополнения и поправки сдела-

ны на вкладных листках собственной рукою самого автора романа, А. С. Пушкина. Этот факт окончательно решает вопрос о собственнике книжечки. Очевидно, первые шесть глав «Евгения Онегина» переплетены в один корешок по распоряжению самого поэта, и белые листки предназначались им для собственноручных исправлений и дополнений, а самая книжечка входила в состав собственной домашней библиотеки Пушкина.

Собственноручные заметки Пушкина внесены не за один раз. Они писаны и карандашом и чернилами. Карандашные пометы касаются главным образом датировок глав «Онегина». Первая такая помета стоит на титульном листке стихотворения: «Разговор книгопродавца с поэтом», который напечатан предисловием к «Евгению Онегину». Под титулом: «Разговор книгопродавца с поэтом», Пушкин карандашом в скобках поставил год написания этого стихотворения: «1824». Перед текстом «Онегина», под словами: «Глава первая», Пушкин карандашом и в скобках поставил дату: «1823». На третьем листке второй главы, на обороте, Пушкин под стихом Горация карандашом написал: «О, Русь!»

На четвертом листке третьей главы под печатными словами: «Глава третья» Пушкин карандашом и в скобках написал дату: «1824», а на обороте того же листка, под стихом: «Elle était fille, elle était amoureuse», карандашом же написал: «Malfilatre».

Перед четвертой главой, на белом листке, вплетенном между листком посвящения Плетневу и листком стихотворного обращения к нему, Пушкин написал карандашом и в скобках год «1825». На 51-й странице под словами: «Глава пятая» Пушкин подписал карандашом и в скобках «1826».

Перед текстом шестой главы на белом листке, после третьего листка, Пушкин карандашом и в скобках поставил год «1826».

Сверх указанных отметок Пушкин и в самом тексте своего романа отметил карандашом некоторые поправки и дополнения.

На 36-й странице первой главы Пушкин, желая заменить слово «неподражаемая» (в шестом стихе XLVI строфы), написал карандашом на белом вставном листе, напротив шестого стиха, слово «неподражательная». После этого исправления 4-й—7-й стихи читаются так:

Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.

На 49-й странице той же первой главы, в предпоследнем стихе, оканчивающемся в печатном виде запятой, Пушкин зачеркнул карандашом запятую и вместо нее карандашом же поставил две точки:

Иди же к Невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

На 9-й странице второй главы, в четвертом стихе III строфы, Пушкин карандашом зачеркнул две первые буквы последнего слова «давил», очевидно, намереваясь переправить это слово в «ловил», но что-то помешало ему произвести самое исправление и в замену зачеркнутых букв он ничего не написал ни на самом листке, ни на белой вставке. Предположительно начало строфы должно читать:

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух ловил.

На 40-й странице второй главы, в четвертом от конца стихе XXXVIII строфы, Пушкин зачеркнул карандашом последнее слово «спешит» и под ним карандашом же надписал: «теснит»:

Так наше ветренное племя
Растет, волнуется, кипит
И к грубу прадедов теснит.

На 13-й странице третьей главы, в седьмом стихе V строфы, Пушкин исправил ошибку в последнем слове, зачеркнув букву «ять» и поставив вместо нее букву «ы»:

В чертах у Ольги жизни нет,
Как у Вандиковой Мадоны.

На 74-й странице пятой главы, в седьмом стихе XXIV строфы, Пушкин подчеркнул карандашом слово «ворон» и напротив этого стиха написал на белом вставном листке, взамен подчеркнутого слова, новое слово «ведьма»:

Татьяна в оглавлении кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель...

Более существенны чернильные поправки и дополнения, сделанные Пушкиным в книжке.

На белом листке перед строфами первой главы Пушкин написал чернилами эпиграф:

И жить торопится и чувствовать спешит.
К. Вяземский.

На белом листке, между 14-й и 15-й страницами второй главы, против пустого места после 8-го стиха VIII строфы, Пушкин написал чернилами стих:

Что есть избранные судьбами.

На пустом месте конца строфы Пушкин карандашными черточками отметил места ненаписанных стихов.

Пушкин на вставном белом листке написал только один стих для заполнения пустого места в VIII строфе. А между тем в то время, когда он делал поправки в своей печатной книжечке «Евгений Онегин», у него готов был уже не один вариант последних стихов этой строфы. И по черновым наброскам в рабочей тетради Пушкина¹⁾, и по беловику²⁾ эти стихи читаются так:

(Он верил избранным судьбами,
Мужам, которых тайный дар...)
Что мало избранных судьбами...
Что есть избранные судьбами,
Что жизнь их — лучший неба дар —
И мыслей неподкупный жар,
И Гений власти над умами
Добру людей посвящены,
И славе доблестью равны.

Позднее Пушкин набросал новый вариант этих стихов и записал их в такой форме:

Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья,
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

Можно думать, что Пушкин еще не решил, какому из этих вариантов отдать предпочтение, когда вносил поправки в печатный текст первых шести глав поэмы, т. е. не раньше 1828 года.

На белом листке, между 32-й и 33-й страницами третьей главы, против второго стиха XXVII строфы, Пушкин чернилами написал два слова: «Читать журналы», имея в виду изменить напечатанные слова:

¹⁾ Хранится в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина под № 2369, см. л. 26-й, и № 2370, л. 58-й.

²⁾ Хранится в Ленинграде в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

Я знаю: дам хотя заставить
Читать по-русски. Право, страх!

На обороте белого листка между 32-й и 33-й страницами четвертой главы, против первого стиха:

Так ты, Я — вдохновенный,

Пушкин чернилами написал: «Языков»¹⁾.

На обороте белого листка, между 36-й и 37-й страницами той же четвертой главы, против 6-го и 7-го стихов XXXVI строфы:

Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопущей мух нахальных,

Пушкин написал чернилами новый вариант этих двух стихов:

Кто эпиграммами, как я,
Стреляет в куликов журнальных.

На обороте белого листка, между 78-й и 79-й страницами пятой главы, против 6-го стиха XXX строфы, в замену слов «тайный жар» Пушкин написал чернилами: «страстный огонь».

Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный огонь, ей душно, дурно.

На белом листке между 80-й и 81-й страницами той же пятой главы, против последних слов 5-го и 6-го стихов XXXII строфы — «пересоленной» и «засмоленной», — Пушкин внес в окончание поправку чернилами: «еной», отметив двумя параллельными чертами под этими четырьмя буквами, что поправка относится к двум стихам:

Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог
(К несчастью, пересоленной)
Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже.

На обороте этого же белого листка есть еще поправка против десятого стиха той же строфы: Пушкин написал три

¹⁾ Первый стих 33-й страницы — это девятый стих XXXI строфы.

буквы «бно», выправляя слово «подобных»:

За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей.

На белом листке между 90-й и 91-й страницами той же пятой главы, против предпоследнего стиха XLII строфы:

вы, против третьего от конца стиха последней XLVII строфы:

Расчетов, дум и разговоров,

Пушкин написал одно слово: «душ», имея в виду, очевидно, уничтожить и запятую, напечатанную между первыми словами стиха:

Расчетов душ и разговоров.

«Лихая мода, нам тиран», Пушкин, подчеркнув ногтем два последние слова, написал чернилами «наш».

На обороте белого листка, между 42-й и 43-й страницами шестой главы, против шестого стиха XLIV строфы: «Где, вечная вам рифма, младость?» написал чернилами одно слово: «ей», имея в виду заменить этим словом неправильно напечатанное «вам».

Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная ей рифма, младость?

Наконец, на белом листке между 46-й и 47-й страницами той же шестой гла-

Кроме цифровых и словесных автографов, книжка Пушкина содержит в себе на белых листах и произведения его рисовального искусства. Таких, зарисованных Пушкиным, листков в книжке два: между 28-й и 29-й страницами второй главы и между 60-й и 61-й страницами главы пятой.

На первом листке легким карандашом Пушкин набросал женский портрет в профиль и в рост. Пышная прическа, тонкие черты лица, грациозная фигура, венок на голове, изящество в рисунке напоминают тот опыт Пушкина в рисовании портрета, который Пушкин оста-

вил в Ушаковском альбоме и под которым подписал:

Трудясь над образом прелестной У.
И проч. и проч. и проч.

Если припомнить время зарисовок Пушкина в Ушаковском альбоме и то, что наша книжечка не могла появиться раньше марта 1828 года, когда дано было цензурное разрешение шестой главы, то совпадение во времени может дать разрешение и на вопрос о совпадении портретов в альбоме и в книжке.

Гораздо проще решается вопрос о том, кого именно из своих героинь хотел Пушкин нарисовать на этом листке в образе изящной женской фигуры. Против рисунка, на 28-й странице второй главы, начинается XXV строфа, и первый стих ее читается: «Итак, она звалась Татьяной». Очевидно, Пушкин в рисунке хотел запечатлеть черты провинциальной девушки, изложенные с такими подробностями в XXV и последующих строфах.

Карандаш Пушкина или другого лица, повидимому, еще раз прошелся по чертам портрета Татьяны и несколько подновил рисунок венка и кружев, не нарушив, однако, основных деталей портрета. Рельефнее отразились следы пальцев, перелистывавших книжечку Пушкина и, очевидно, подолгу останавливавшихся на портрете Татьяны.

На другом белом листке, между 60-й и 61-й страницами пятой главы, на обороте листка, очень тонким карандашом

набросаны три рисунка. Вверху страницы нарисована ветряная мельница с четырьмя крыльями. Пониже мельницы нарисованы две фигуры не то скачущих, не то пляшущих каких-то фантастических чудовищ. Напротив рисунка, в печатном тексте пятой главы, как-раз находится X строфа. И в этой строфе, равно как раньше и позже ее, идет рассказ о святочных гаданьях и о «чудном сне» Татьяны. Очевидно, своими рисунками Пушкин хотел иллюстрировать или пляски ряженых на святках или «чудовища», приснившиеся Татьяне:

Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут шевелится хобот гордой,
Там карла с хвостиком, и вот
Полу-журавль и полу-кот.
Там суетливый еж в ливрее,
Там рак верхом на пауке,
Там череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Там мельница в мундире пляшет
И крыльями трещит и машет...

Просматривая последующие (за первым) издания «Евгения Онегина» вплоть до наших дней, легко убедиться, что далеко не все поправки и дополнения Пушкина вошли в печатные тексты этого творения поэта. А если учесть, что в известных доселе рисунках его нигде нет ни портрета Татьяны¹⁾, ни тем более иллюстраций к ее гаданьям и сну, то станет ясным значение нового приобретения Отдела рукописей для пушкиноведения.

5. НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Георгий Чулков

I

Третьего февраля ночью А. И. Тургенев в сопровождении жандармского офицера повез тело Пушкина в Святогорский монастырь. А. В. Никитенко в дневнике своем сделал запись: «Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции, неподалеку от Петер-

бурга, увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

¹⁾ «Сидящая Татьяна» из Пушкинской традиции № 2370 А. М. Эфросом не называется портретом, а только рисунком.

Н О В Ы Й

М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

П Е Р В А Я

Я Н В А Р Ь

М О С К В А

1 . 9 . 3 . 7